

Пузанов В.В.
ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ВОЖДЕСТВА
В СВЕТЕ ПИСЬМЕННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Ключевые слова: неоэволюционизм, политогенез, вождество, восточные славяне, византийские источники, Повесть временных лет.

Неоэволюционистская теория вождества является одним из наиболее выдающихся достижений современной историографии. Первоначально ее последователи придерживались однолинейной схемы политогенеза и пытались найти вождество во всех регионах Земного шара. В таком виде она была воспринята на рубеже 1980–1990 х. гг. историками, изучавшими восточнославянский политогенез [1, с. 96–108]. Однако в последние десятилетия все большее влияние в неоэволюционизме получают многолинейные схемы политогенеза, которые применительно к восточным славянам наиболее успешно развивают Н.Н. Крадин и Е.А. Шинаков. Е.А. Шинаков ведет речь «о многообразии форм потестарности в Восточной Европе накануне и в процессе образования Древнерусского государства» [2, с. 259 и др.]. Н.Н. Крадин выделяет совокупность «политий разной степени структурированности: от сложных вождеств» (иерархическая стратегия развития) «до гетерархических протогородских республик» [3, с. 231–232]. В этой связи возникает вопрос, на какой источниковой базе осуществляется постановка вопроса о восточнославянском вождестве? Е.А. Шинаков, исследователь осторожный и вдумчивый, признает, что восточнославянские вождества-протогосударства «реконструируются лишь сравнительно-типологическим методом» [2, с. 259]. Неудивительно, что в работах большинства сторонников идеи восточнославянских вождеств много «сравнительной типологии», но очень мало реконструкций, опирающихся на источники. Впрочем, имеют место и исключения. Особого внимания заслуживают наблюдения А.А. Горского, по мнению которого, «наиболее показательным для решения вопроса» о славиниях-вождествах «могут стать сведения о славянской знати» [4, с. 37]. Исследователь собрал сравнительно большую подборку таких свидетельств [4]. Но что они доказывают? Только то, что у славян имелись князья и родовая знать – не более того. Это могло иметь значение в том случае, если бы представители традиционных взглядов, отрицали наличие у славян вождей и знати. Но это, как известно, не так. Мало информативны свидетельства, собранные А.А. Горским и в отношении типологии потестарной организации у славян, так как упоминания имен лидеров не характеризуют ни характер власти вождя, ни уровень отчужденности народа от власти.

Для решения поставленной проблемы, в первую очередь, важно выяснить степень участия народа во власти, поскольку «в вождестве народ отстранен от непосредственного управления» [5, с. 19]. Посмотрим, так ли было у славян в период выхода на историческую сцену и у представителей их восточной ветви накануне и в начальной стадии становления государственности.

Византийские авторы свидетельствуют о народовластии у славян: «Племена эти, склавины и анты, не управляются одним человеком, но издревле живут в народовластии, и оттого у них выгодные и невыгодные дела всегда ведутся сообща» [6, с. 182–183]; «племена склавов и антов одинаковы и по образу жизни, и по нравам; свободные, они никоим образом не склонны ни стать рабами, ни повиноваться, особенно в собственной земле» [7, с. 369]; склавины «живут в строптивости, своенравии, безначалии, сплошь и рядом убивая, (будь то) за трапезой или в совместном путешествии, своего предводителя и начальника...» [8, с. 254].

Показательны свидетельства, характеризующие весьма бедный быт славян [9, с. 358, коммент. 7], что подтверждается и археологическими источниками.

Таким образом, византийские авторы VI–VII вв. рисуют гетерархическую модель отношений у славян: материальная бедность поселений, невозможность закабаления соплеменников (только иноплеменники могли быть рабами) свидетельствовали о низком уровне имущественной, социальной и функциональной дифференциации. Система организации власти также не соответствовала вождеству.

Восточные славяне середины IX – первой половины X в. недалеко продвинулись по пути усложнения потестарной организации, по сравнению со славянами византийских авторов. Показательно известие Повести временных лет о событиях 945 г., содержащее наиболее полное описание потестарных структур у восточных славян на примере древлян. У древлян упоминаются князь Мал, «лучшие» и «нарочитые» мужи [10, стб. 54–57], «старѣишины... града» Искоростеня [10, стб. 59]. Но чаще всего фигурирует собирательное – «древляне», под которыми может пониматься как вся совокупность населения Древлянской земли, так и население отдельного града, в данном случае – Искоростеня. Мал пассивен, тогда как представители знати и, прежде всего, древляне (народ) активны: «слышавше же деревляне ꙗко вѣсть идетъ . сдумавше со княземъ своимъ . Маломъ... послаша к нему глѣце . почто идеши вѣсть... и вышедше изъ града Изькорьстѣна. Деревлене оубиша Игорѧ . и дружину его»; «рѣша же Деревляне . се княза оубихомъ Рускаго . поимемъ жену его Вольгу за княза свои Малъ и Стѣслава . и створимъ ему ꙗкоже хоцемъ . и послаша Деревляне лучшиѣ мужи...». Но и лучшие мужи действуют от имени народа: «посла ны Дервьвска земля». «Къ Деревланомъ» же обращается Ольга, требуя прислать для сватовства «мужа нарочиты» [10, стб. 54–59].

Показательно, что Мал никак не ассоциируется в летописном рассказе с войском. В отличие от той же Ольги, которая «пристрои воя на прокъ ихъ» (древлян). Биться с ней вышел не Мал, а древляне: «И изыдоша деревляне противу...», но «побѣгоша . и затворишася въ градѣхъ своихъ». С ними же (в данном случае – жителями Искоростеня) Ольга договаривается о дани [10, стб. 58–59].

Налицо троичная модель организации власти: князь – совет старейшин – народ (древляне). За коллективными решениями древлян стоит народное собрание, что не характерно для вождества.

Но как быть с древлянскими князьями, «иже распасли суть Дервьвску землю» [10, стб. 56], и с древлянскими градами, в которых затворились от Ольги древляне, и которые потом ей же «предашася» [10, стб. 58]. Археологи обнаружили на древлянской территории 20 городищ, как раз по количеству первого древлянского посольства к Ольге, в которых, как предполагают исследователи, сидели подвластные Малу князья [11]. Думается, представления о властной соподчиненности и князей к Малу, и градов к Искоростеню не соответствуют историческим реалиям. Речь, скорее всего, можно вести, выражаясь терминологией Р.Л. Карнейро, о «церемониальном ранжировании». Иными словами, Мал обладал авторитетом, а не силой власти. Он мог своим примером влиять на поведение других древлянских князей, но не мог отдавать им распоряжения. Поэтому и посольство к Ольге отправлялось не от Мала и Искоростеня, а от всех градов. Решение веча Искоростеня также не было обязательно для исполнения другими градами. Принимало решение об убийстве Игоря, судя по всему, именно вече Искоростеня: «Съльга же устремиса съ снѣмъ своимъ [на Искоростѣнь град . ꙗко тѣе баху оубили мужа еѧ ...] а Деревляне... борахуса крѣпко... вѣдѣху бо ꙗко сами оубили княза . и на что сѧ предати». Долгое сопротивление защитников Искоростеня, тогда как другие города уже «предашася», летописец объясняет именно опасением мести княгини за смерть мужа («рекоша . ради сѧ быхомъ ꙗли по дань . но хоцещи мыцати мужа своего» [10, стб. 58]. Другие же древлянские грады, как следует из контекста, принимали решение о капитуляции по своей воле, не оглядываясь на Мала и Искоростень.

Пример с древлянами нельзя механически распространять на всех восточных славян. Уровень развития был разным. В то же время пора признать, что этот уровень в отечественной историографии завышался. Опять же, важную роль играл фактор «сравнительной типологии», который, в соединении с идеологической составляющей, переносил на восточнославянскую почву германскую общественную модель.

«Теоретическая схема и базовый ее концепт... – как правильно указывал Н.Н. Крадин – представляют интерес только тогда, когда могут быть полезными для осмысления конкретно-исторического материала» [12, с. 9]. Вряд ли можно отрицать эффективность концепции вождества для объяснения процессов политогенеза в глобальных масштабах. Однако на материале Восточной Европы она пока не заработала в полной мере, что вынуждены признать и ее наиболее вдумчивые сторонники. Так, отмечая продуктивность введения «понятия “вождество”... в модель восточнославянского государствообразования», Е.А. Мельникова констатирует, что «реконструкции процессов образования Древнерусского государства пока не привели к достаточно убедительным результатам...» [см.: 1, с. 107–108].

Как известно, каждое поколение пишет свою историю. Дело не только в уровне развития научных знаний, но и в эволюции социокультурной среды обитания историка. Человеку свойственно неосознанно экстраполировать представления и ценности своей эпохи на изучаемую древность. Для XIX в. характерен был оптимизм, вера в светлое будущее человечества, что порождало представления о едином прогрессивном пути его развития. Отсюда идеалистические представления о ранней древности, равенстве, к которому следовало стремиться в будущем: «Демократия в управлении, братство внутри общества, равенство прав, всеобщее образование охарактеризуют следующий высший план общества, к которому неуклонно стремятся опыт, разум и знания. Он будет возрождением, но в высшей форме, свободы, равенства и братства древних родов» – писал Л.Г. Морган [цит. по: 12, с. 23]. Государство в то время ассоциировалось не с монархом и правящей династией, как прежде, а с общенародными интересами, понималось как единство народа, территории и власти. Середина 1950-х гг. – время разочарований, вызванных двумя мировыми войнами, усилением реакции в США и мире, все усиливающейся бюрократизацией власти. Не оправдал себя в глазах многих и социалистический эксперимент. Государство все больше воспринималось как бюрократическая машина... В первом случае наука была обязана появлением теории военной демократии, во втором – теории вождества...

Социальный пессимизм, как и социальный оптимизм – это не только отношение к настоящему и будущему, но и к прошлому.

1. Пузанов, В. В. От праславян к Руси: становление Древнерусского государства (факторы и образы политогенеза) / В. В. Пузанов. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2017. – 752 с.
2. Шинаков, Е. А. У истоков Русской государственности / Е. А. Шинаков. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2020. – 528 с.
3. Крадин, Н. Н. Становление государственности на Руси в свете данных политической антропологии / Н. Н. Крадин // Древнейшие государства Восточной Европы. 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства. – М. : Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2012. – С. 211–239.
4. Горский, А. А. Первое столетие Руси / А. А. Горский // Средневековая Русь. – 2012. – Вып. 10. – С. 7–112.
5. Крадин, Н. Н. Вождество: современное состояние и проблемы изучения / Н. Н. Крадин // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / отв. ред. В. А. Попов. – М. : Вост. лит., 1995. – С. 11–61.
6. Прокопий Кесарийский. История войн // Свод древнейших письменных известий о славянах. – Т. 1 : IV–VI вв. / отв. ред. Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин. – 2-е изд. – М. : Вост. лит., 1994. – С. 170–250.
7. Стратегикон Маврикия // Свод древнейших письменных известий о славянах. – Т. 1 : IV–VI вв. / отв. ред. Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин. – 2-е изд. – М. : Вост. лит., 1994. – С. 364–393.
8. Псевдо-Кесарий. Ответы на вопросы // Свод древнейших письменных известий о славянах. – Т. 1 : IV–VI вв. / отв. ред. Л. А. Гиндин, Г. Г. Литаврин. – 2-е изд. – М. : Вост. лит., 1994. – С. 251–259.
9. Иванова, О. В. Комментарий / О. В. Иванова // Свод древнейших письменных известий о славянах. – Т. 2 : VII–IX вв. / отв. ред. Г. Г. Литаврин. – М. : Вост. лит., 1995. – С. 356–359.

10. Полное собрание русских летописей. – Т. 1 : Лаврентьевская летопись. – М. : Языки русской культуры, 1997. – 496 с.
11. Звіздецький, Б. А. Про час виникнення та соціальну типологію літописних «градів» Древлянської землі / Б. А. Звіздецький // Український історичний журнал. – 1990. – № 3. – С. 77–81.
12. Крадин, Н. Н. Понятие «племя» в современной антропологии / Н. Н. Крадин // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. – 2015. – № 2. – С. 4–12.
13. Семёнов, Ю. И. Льюис Генри Морган: легенда и действительность / Ю. И. Семёнов // Советская этнография. – 1968. – № 6. – С. 3–24.

Темушев С.Н.
ИСТОЧНИКИ ПО ПРОБЛЕМЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РУСИ И ЛИТВЫ
(X – НАЧАЛО XIII в.)

Ключевые слова: Древняя Русь, литва (литовцы), ятвяги, летописи, хроники, данническая зависимость.

Во многом неразработанность проблемы отношений Руси и литвы до середины XIII в. обусловлена состоянием источниковой базы. Крайне фрагментарны известия о литве (как этнического образования) для периода до начала XII в. в Повести временных лет: кроме указания в недатированном этнографическом введении на выплату дани литвой Руси, имеется лишь сообщение о походе киевского князя Ярослава Мудрого на литву в 1040 г. [7, с. 10, 67]. Намного более информативными оказываются сообщения Новгородской первой летописи (младшего и старшего изводов). Данный письменный памятник во многих случаях позволяет дополнить и уточнить информацию других летописных сводов, явившихся продолжением Повести временных лет. Среди последних наиболее важная роль в освещении возросшей военной активности литовцев принадлежит Радзивилловской и Ипатьевской летописям [3]. Касательно периода XIII в. Ипатьевская летопись основана на Галицко-Волынской хронике.

Политическая раздробленность Древней Руси, важнейшей чертой которой являлась полная самостоятельность правителей отдельных княжеств-земель в проведении внутренней и внешней политики, имела следствием появление областного летописания, в большей степени отражавшего местные события. Участие литвы в междоусобных войнах в древнерусских княжествах землях, а затем и начало самостоятельных литовских нападений на них нашло отражение в летописях новгородских и псковских, в среде которых первостепенное значение для нашей темы принадлежит Новгородской первой летописи старшего и младшего изводов [6]. Наряду с примерами военного противостояния Литвы и Галицко-Волынской земли, использования литовских сил в своих политических целях древнерусскими и польскими князьями, данная летопись содержит ценнейшую информацию о конкретном содержании даннической зависимости прибалтийских племен от Руси (касательно ятвягов) [5, с. 131]. И в отношении Галицко-Волынского свода (в особенности), и в отношении других летописных памятников в изучении русско-литовских контактов сохраняется проблема датировки тех или иных событий. Эта проблема приобретает тем большее значение для нашей темы в связи с тем, что одно и то же событие (походы русских князей против литвы, набеги литовцев на русские земли) может быть представлено в различных летописных сводах под разными годами. Существует очень большая вероятность того, что под разными годами в разных источниках рассказывается об одном событии. Опасность умножения событий, связанная с отмеченным обстоятельством, часто игнорируется в исследованиях, затрагивающих проблему русско-литовских отношений.

Существенные дополнения вносят в изучение интересующей нас проблемы польские источники, отмечающие начало литовских нападений на Польшу с 1209–1211 гг.